

ИНСТИТУТ СПРАВЕДЛИВОГО СУДА: ДОЛГИЙ ПУТЬ К УТВЕРЖДЕНИЮ В КАЧЕСТВЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА

Марина МАГРЕЛО,
помощник судьи

Высшего административного суда Украины

SUMMARY

Article reveals development of fair trial by examining relevant legal sources and international practice. It concludes that a fair trial notion comes from national law evolution, creates basis for appropriate international custom and gains a leading role as a fundamental procedural obligation of state in international law. Formation of such obligation is viewed among main trends of contemporary international human rights law. International legal practice is proved to shape the content of fair trial obligation.

Key words: fair trial, denial of justice, international obligation, universal and regional mechanisms of human rights' protection, access to court, international custom.

АННОТАЦИЯ

В статье произведен анализ развития института справедливого суда посредством исследования соответствующих правовых источников и международной практики. Установлено, что «право на суд» происходит из развития внутригосударственного права, является основой формирования соответствующего международного обычая и постепенно утверждается в международном праве как фундаментальное «процессуальное» обязательство государства. Формирование такого международного обязательства представлено в качестве одной из основных тенденций современной отрасли защиты прав человека. Доказано, что международная правоприменительная практика оказывает непосредственное влияние на содержание обязательства государства по обеспечению справедливого суда.

Ключевые слова: справедливый суд, отказ в правосудии, международное обязательство, универсальные и региональные механизмы защиты прав человека, доступ к суду, международный обычай.

Постановка проблемы. Право на суд сегодня является одной из основных гарантий ответственности государства перед человеком, поскольку от обеспечения этого права зависит возможность и степень реализации всех остальных прав в неисчерпаемом каталоге права человека. Однако так было не всегда, впрочем, и сегодня процесс формирования соответствующего международного обязательства все еще нельзя считать завершенным.

На протяжении нескольких веков содержание права на справедливый суд рассматривалось исключительно сквозь призму соблюдения некой установленной процедуры, которая считалась справедливой лишь потому, что была предусмотрена в соответствующих правовых источниках. Только в начале двадцатого столетия под соблюдением «права на суд» стали подразумевать соблюдение основных прав человека в процессе рассмотрения дела [5, с. 37].

Цель статьи заключается в том, чтобы проследить процесс формирования в международном праве «твердого» юридического обязательства по обеспечению надлежащего правосудия.

Изложение основного материала исследования. Для обозначения такого явления, как право на справед-

ливый суд (*right to a fair trial*) доктрина международного права использует также юридическую конструкцию «отказа в правосудии» (*denial of justice*). На первый взгляд может показаться, что последняя в этимологическом значении несколько отличается от первой, однако, и практика тому свидетельство, она преимущественно используется для обозначения упомянутого правового явления в отрасли международного инвестиционного права [4; 8], а также в правоотношениях государств с нерезидентами. Подобное использование юридической фразеологии оправдано с точки зрения все большей отраслевой детализации международного права, однако следует иметь в виду, что при этом речь идет об одном и том же, по сути, явлении. Вместе с тем подобные терминологические отличия позволяют проследить развитие собственно правового явления, в частности, установить, откуда произрастают корни ответственности государства за ненадлежащее осуществление судопроизводства.

Вопрос соответствия судопроизводства конкретным признанным критериям в юридической науке не новый, а ответ на него, как ни удивительно, можно отыскать в плоскости обычного права. Еще в 1935 году будущий судья Постоянной палаты международного правосудия

Ш. де Висхер отмечал, что «многочисленные международные соглашения, которые предусматривают беспрепятственный доступ к судам, закрепляют не что иное, как принцип, авторитет которого выходит за рамки любых конвенций» [6, с. 1].

До Первой мировой войны предметом большинства «международных споров» были претензии касательно отказа в правосудии¹ [6, с. 1]. Поскольку до этого времени не существовало международных (региональных) механизмов защиты прав человека, то субъектом разрешения предъявленных против государства соответствующих претензий частных лиц могло быть только государство. Характерно, что государство, выступающее субъектом разрешения спора, инициированного против него, использовало внутринациональное право. Именно отсутствие независимого международного арбитра создало предпосылки к возникновению и развитию минимальных стандартов качества разрешения таких споров.

Изложенное позволяет предположить происхождение отдельных институтов (норм) международного права из внутреннего права государств (равно публичного и частного). В пользу такого предположения свидетельствует и позиция Я. Паулсона в работе, посвященной явлению «отказа в правосудии» в международном праве [6], где автор проследил смену механизмов защиты нарушенных государством индивидуальных прав от опосредованных (когда жалоба о нарушении индивидуального права могла быть рассмотрена и разрешена только в государстве, резидентом которого являлось лицо, посредством дипломатических процедур), к прямым способам (когда лицо получило возможность непосредственно обратиться с жалобой против государства в международный орган).

С учетом того факта, что право всегда стремится отображать реальную действительность регулируемых отношений, закономерно, что с развитием трансграничных отношений (коммерции и торговли, миграции и выбора места пребывания) и международного общения, возникла реальная необходимость адекватного урегулирования вопроса разрешения споров между лицом и государством касательно надлежащего судопроизводства. Как свидетельствуют опыт и практика, такое регулирование вышло на международный уровень и нашло свое отображение в соответствующих международно-правовых инструментах: договорах, актах международных органов и организаций.

Описанное состояние дел ознаменовало собой новый этап в развитии концепции права на суд, введя ее полностью в плоскость международно-правового регулирования. При этом с развитием универсальной мировой и региональной систем защиты прав человека происходит детализация структуры права на суд, которое

сегодня включает более десяти отдельных прав – элементов данной структуры, что не в последнюю очередь связано с правоприменительной деятельностью международных органов, ответственных за функционирование конвенционных правозащитных механизмов (Комитет ООН по правам человека, Европейский суд по правам человека и др.)

В свою очередь, развитие международно-правового инструментария происходит не без соответствующего теоретического сопровождения. В упомянутом труде Я. Паулсон указывает, что идея «отказа в правосудии» не сводится к выработанной национальными правовыми системами ограниченной концепции отказа в рассмотрении жалобы (*refusal to hear a grievance*), но является более широкой, поскольку в ней сосредоточен комплекс различных прав, развитых международной и национальной правоприменительными практиками.

По мнению судьи Европейского суда по правам человека Х. Розакиса, концепция права на суд является элементом более широкой теории, а именно классической теории разделения власти, вследствие чего определяется отличительный характер судебной власти от двух других ветвей, равно как и необходимые качества, которыми она должна быть наделена для эффективной защиты тех, на кого распространяется ее юрисдикция [3, с. 96].

Отдельные авторы Энциклопедии публичного международного права, выпущенной институтом М. Планка, считают, что концепция права на суд происходит из принципа законности (*principle of legality*), согласно которому государства должны уважать принцип верховенства права (*rule of law*), в том числе принцип разделения власти и признание правосубъектности лиц [7].

В виду данных подходов считаем, что обе конструкции – «право на суд» и «отказ в правосудии» – являют собой две стороны одной медали, поскольку выражают единую суть, а терминологические особенности позволяют проследить взаимопроникновение институтов внутреннего и международного права.

Что касается необходимых качеств судебной власти, значительной в правоприменительной практике международных органов и организаций является разработка правовых стандартов, в том числе и в отношении права на суд. Важные положения были закреплены в таких документах, как Основные принципы независимости судебных органов, одобренные резолюциями 40/32 и 40/146 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября и 13 декабря 1985 года; Рекомендация № (94) 12 «Независимость, действенность и роль судей» (принята Комитетом Министров Совета Европы, в которой идет речь об усилении роли и действенности отдельного судьи и правосудия в общем); Европейская хартия о статусе судей, принята в июле 1998 года под эгидой Совета Европы; Универсальная Хартия судьи, принятая Международной ассоциацией судей, членами которой являются 60 стран мира и ряд других.

¹Тот факт, что пальма первенства принадлежит именно «праву на суд» в зарождающемся механизме международно-правовой защиты, свидетельствует о месте этого права в системе прав человека как базового.

Из приведенного выше видно, что соответствующая нормативная база постоянно развивается, что было бы невозможным без существования фундаментальных источников, в которых закреплён институт справедливого суда.

В международном праве концепция права на суд выступает важным правовым институтом в трех его отраслях: в отрасли защиты прав человека, в международном гуманитарном праве (четыре Женевские конвенции 1949 года о защите жертв войны с протоколами, Протокол № 2 к Гаагской конвенции 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта) и международном уголовном праве (Женевские конвенции 1949 года с протоколами, Римский статут международного уголовного суда, Устав Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, Устав международного криминального трибунала по Руанде, Устав специального суда по Сьерра-Леоне и т. д.).

Основной тенденцией современной отрасли защиты прав человека является направленность международного права на обеспечение того, чтобы лицо не было предано ненадлежащему обхождению или наказанию со стороны государства. Критерии (стандарты) такого обхождения обозначены в нормах международных универсальных и региональных договоров, решениях международных судебных органов, актах международных организаций.

Со времен Всеобщей декларации прав человека 1948 года право на справедливый суд утвердилось как фундаментальная основа построения и функционирования национальных судебных систем. В статье 10 Всеобщей декларации прав человека закреплено на основании полного равенства право каждого человека при разрешении спора о его правах и обязанностях, а также при установлении обоснованности любого предъявленного ему уголовного обвинения, на справедливое и публичное рассмотрение дела независимым и беспристрастным судом.

Указанное положение Декларации 1948 года закрепило сразу несколько принципов, на основании которых происходит дальнейшее развитие института справедливого суда в международном праве: равенство каждого перед законом² и судом, действие указанного института в сфере гражданского и уголовного права³, справедливость, публичность, независимость и беспристрастность суда.

Всеобщая декларация прав человека стала толчком к разработке региональных международных соглашений в сфере защиты прав человека по ряду причин: трудности разработки и вступления в действие единого универсального международного соглашения о правах

²Декларация 1948 года отдельно закрепила в ст.7 гарантию равенства всех перед законом, а также на равную защиту законом.

³Данные «автономные» концепции найдут свое дальнейшее развитие в региональных международно-правовых инструментах, в частности в ЕКПЧ и в практике ЕСПЧ.

человека благодаря разному восприятию прав человека разными государственными режимами; неисчерпаемость прав человека и отсутствие единого согласованного каталога этих прав, что обуславливает принятие новых документов узкой направленности (права меньшинств, женщин, детей и т. д.), появление новых прав (информационные права).

Регионализация международного права в данной отрасли стала закономерным явлением в мире после 1940-х годов, что ознаменовано возникновением региональных международных документов и органов: Американской декларации прав и обязательств человека 1948 года, Американской конвенции о правах человека 1969 года (действующая с 1978 года); Межамериканской комиссии по правам человека и Межамериканского суда по правам человека; Африканской хартии прав человека и народов 1987 года; Африканского суда по правам человека и народов; Европейской региональной системы защиты прав человека и т. д.

Принципиально новое значение институт права на суд приобретает в Международном пакте о гражданских и политических правах (далее – МПГПП, Пакт) 1966 года, статья 14 которого, закрепляя ряд процессуальных гарантий, возлагает на государства-участники непосредственное международное обязательство по обеспечению каждому лицу, пребывающему под их юрисдикцией, при рассмотрении любого уголовного обвинения, выдвигаемого против них, или при определении их прав и обязательств в каком-либо гражданском процессе, справедливое и публичное рассмотрение дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Статья 14 МПГПП объединяет в себе различные гарантии с неодинаковой сферой применения: некоторые из них действуют в сфере уголовного обвинения и соответствующих процедур, иные – в сфере определения гражданских прав и обязанностей, однако в обоих случаях государства-участники МПГПП в своих докладах о состоянии выполнения обязательств по Пакту должны четко разграничивать все отдельные аспекты права на справедливый суд [9, п. 1] (равенство всех перед судами и трибуналами, справедливое и публичное рассмотрение независимым и беспристрастным судом, право на компенсацию в случае судебной ошибки, гарантия *ne bis in idem* и т. д.).

Существенная работа в направлении толкования статьи 14 МПГПП осуществляется органом, ответственным за функционирование механизма реализации положений Пакта – Комитетом ООН по правам человека (UN Human Rights Committee). В 2007 году Комитетом принято Замечания общего порядка № 32 – документ, где со ссылками на конкретные случаи применения положений статьи 14 (обращения в Комитет частных лиц против государств) дан обстоятельный комментарий к статье 14 МПГПП.

В отношении равенства перед судами и трибуналами Комитетом сформулирован подход, согласно которому ситуация, в условиях которой попытки лица получить доступ в компетентные суды систематически наталкиваются на препятствия де-юре или де-факто, противоречит гарантии, предусмотренной в первом предложении пункта 1 статьи 14 [9, п. 9]. Таким образом, обязательство обеспечить право равного доступа и равенство составительных возможностей является прямым обязательством государств-участников Пакта, требующее от них ряда действий (в сферах законодательства и административной практики), направленных на избежание каких-либо проявлений дискриминации⁴ относительно права на доступ к суду. Указанное касается, в частности, установления для сторон разбирательства судебного сбора, который бы фактически закрыл для них доступ к суду [9, п. 11], а также обеспечение того, чтобы одинаковые дела рассматривались в рамках идентичных процедур [9, п. 14] (речь идет о случаях, когда определенные категории дел рассматриваются, скажем, отдельными судами или в соответствии с исключительными процедурами).

Применение гарантии равного доступа к суду по МПГПП ограничено только судами первой инстанции и не затрагивает вопрос апелляционного обжалования или иных способов правовой защиты [9, п. 12]. Это связано с тем, что государства все же наделены определенным уровнем дискреции относительно построения своих судебных систем, в том числе их инстанционности, а международное право гарантирует лишь минимальные гарантии справедливого суда. Исключения из данного права касаются случаев, когда внутреннее законодательство не наделяет тех или иных лиц определенными правами: пункт 5 статьи 14 не предусматривает, чтобы в праве государств-участников Пакта было несколько уровней юрисдикции, однако если внутреннее право предусматривает дальнейшие уровни апелляции, осужденное лицо должно иметь эффективный доступ к каждому из них [9, п. 46].

Выше упоминалось, что гарантии статьи 14 МПГПП имеют различные сферы применения, как, например, в случае второго уровня юрисдикции. В этом контексте важно различать две охватываемые Пактом сферы применения процессуальных гарантий: сфера «уголовного» обвинения и сфера определения прав и обязанностей в любом «гражданском» процессе. В своем комментарии Комитет указывает, что понятие «уголовного обвинения» распространяется, во-первых, на случаи признания отдельных деяний таковыми в национальном праве государств-участников, а также охватывает деяния, уголовные по своему характеру и предусматривающие

санкции, которые независимо от их квалификации во внутреннем праве, должны расцениваться как уголовные, с учетом их цели, характера и суровости [9, п. 15].

Концепция определения «гражданских прав и обязанностей» (прав и обязанностей в любом «гражданском» процессе) является более сложной, что, не в последнюю очередь, связано с языковыми особенностями равно аутентичных текстов Пакта. Действительно, в правовых системах разных стран в понятие «гражданский процесс» вкладывается различное содержание, что отображено также в соответствующих языках. В этой связи Комитет отметил, что в «основе концепции «гражданского процесса» лежит, в первую очередь, природа права, а не статус стороны в процессе или особенности предусмотренного национальным правом форума для определения того или иного права» [9, п. 6].

С учетом универсального характера МПГПП, а также цели, которую преследовали его разработчики, становится понятным, что две указанные концепции – «гражданского процесса» и «уголовного обвинения» – являются двумя альтернативами для толкования поведения государства в контексте исполнения международного обязательства по обеспечению права на суд. Иными словами, любой аспект выполнения (невыполнения) государством данного обязательства должен вписываться в рамки одной из названных концепций, по крайней мере, до тех пор, пока соответствующие правоотношения будут охватываться юрисдикцией национального суда (или органа, выполняющего функции суда).

Имеющаяся практика применения и толкования положений МПГПП позволяет утверждать, что концепция «гражданского процесса» охватывает отношения собственности, контрактные отношения, сферу правонарушений в отрасли гражданского права (тех, что не являются уголовными); эквивалентные понятия в отрасли административного права тем, которые касаются увольнения государственных служащих (кроме дисциплинарных процедур); определения пенсионных прав и социальных гарантий; процедуры использования государственных земель. При этом, по утверждению Комитета, данная концепция может охватывать и другие процедуры, оценивать которые следует в зависимости от конкретного случая в контексте природы соответственного права [9, п. 16].

Гарантии статьи 14 Пакта относительно компетентности, независимости и беспристрастности суда являются абсолютными, то есть не предполагают каких-либо исключений, а также распространяются, в том числе, на случаи создания специальных судов, где рассматриваются жалобы гражданских лиц (например, военные трибуналы), случаи отправления правосудия «анонимными судьями» (faceless judges) в отношении террористической деятельности; создания судов, основанных на обычном праве, а также религиозных судов как органов, уполномоченных выносить обязательные реше-

⁴Комитет придерживается позиции, согласно которой различия в применении процессуальных норм относительно разных лиц, основанное на каких-либо критериях, являет собой не только нарушение гарантии равенства перед судом, но также и проявление дискриминации [9, п. 65].

ния, признаваемые государством. Указанное касается также и гарантии обеспечения справедливости судебного разбирательства, в отличие от правила публичности рассмотрения, из которого допускаются исключения, связанные, в частности, с более полной защитой прав участников процесса.

На европейском региональном уровне институт права на суд нашел свое отображение в праве Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее – ЕКПЧ), а также в практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ, Европейский суд). Наряду с уже известными гарантиями справедливого и публичного судебного разбирательства компетентным, независимым и беспристрастным судом, статья 6 ЕКПЧ предусматривает для каждого при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении обоснованности любого уголовного обвинения, предъявленного ему, гарантии рассмотрения дела на протяжении разумного срока⁵. Кроме того, в практике ЕСПЧ были разработаны дополнительные гарантии справедливого суда, например, обязательность исполнения судебного решения, которое вступило в законную силу, а также разумные сроки такого исполнения.

Как и в случае с правовыми положениями Пакта, концепция «гражданских прав и обязанностей» в праве Конвенции не может быть истолкована исключительно на основании внутреннего права государств-участников. В значении пункта 1 статьи 6 Конвенции данная концепция, как неоднократно отмечал сам Европейский суд, является автономной [11, пп. 88-89]. В своей ранней прецедентной практике ЕСПЧ указывал, что фраза «гражданские права и обязанности» посредством термина «гражданские» определяет различия между частным и публичным правом, а также что вследствие таких различий, права и обязанности в сфере публичного права (гражданство, избирательные права) не являются «гражданскими правами и обязанностями», следовательно действие пункта 1 статьи 6 ЕКПЧ на них не распространяется [1, с. 547-558].

Наряду с этим в течение последних десятилетий Европейский суд значительно расширил концепцию «гражданских прав и обязанностей», в частности, возникло новое правоприменение в отношении увольнения государственных служащих в рамках дисциплинарных процедур, которое ранее считалось не подпадающим под «гражданскую» сферу охвата статьи 6 [10, пп. 87-91]. Кроме того, ранняя практика толкования и применения положений пункта 1 статьи 6 ЕКПЧ бывшей Европейской комиссией по правам человека развивалась путем нераспространения ее на споры, основанные на

административном праве (споры частных лиц с публичной администрацией, в том числе налоговые).

Согласно позиции Европейской комиссии в деле Рингайзена, которое касалось рассмотрения австрийскими административными органами прошения заявителя утвердить договор приобретения недвижимости сельхоз назначения, статья 6 ЕКПЧ не подлежала применению, поскольку, по мнению большинства членов Комиссии, ее действие распространялось лишь на «гражданские права и обязательства» в узком, буквальном значении [2, с. 202]. Однако, когда дело было передано Европейскому суду, последний применил более широкое толкование пункта 1 статьи 6 ЕКПЧ, отметив, что данный пункт охватывает «все случаи производства по делу, результат которых имеет решающее значение для гражданских прав и обязательств», а также, что «характер законодательства, регулирующего порядок рассмотрения дела (гражданское, хозяйственное, административное и т. п.), и органа, уполномоченного осуществлять производство по делу (суд, административный орган и т. д.), не имеют особенного значения» [12, п. 94].

В деле Кенига, которое касалось длительности судебного рассмотрения жалобы заявителя на решение административного органа, Европейский суд подтвердил эту позицию, указав, что в контексте применения пункта 1 статьи 6, «когда дело касается спора между лицом и органом государственной власти, не имеет значения, действовал ли последний в частном порядке или как суверенный субъект» [11, п. 90].

Выводы. Институт справедливого суда является комплексным правовым явлением, объединяя в себе ряд правовых гарантий, от реализации которых зависит надлежащее функционирование национальных механизмов защиты прав человека.

Исследование соответствующих источников свидетельствует о том, что этот институт находится в двойной связи с национальным правом: с одной стороны, своим происхождением и утверждением в международном праве он преимущественно обязан развитию внутригосударственных и трансграничных частных отношений, что способствовало расширению потенциального поля деятельности для судов и вызвало необходимость соответствующего нормативного регулирования; с другой стороны, этот институт осуществляет постоянное влияние на развитие национального права, поскольку содержит в себе критерии законодательной и правоприменительной (административной) практики.

В доктрине международного права сегодня превалирует точка зрения, что корни института справедливого суда следует искать в нормах международно-правового обычая. В подтверждение этого свидетельствует факт его закрепления во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, положения которой принято считать воплощением международных обычных норм. В то же самое время содержание международного обя-

⁵ Комитет ООН по правам человека эмпирическим путем также вывел данную гарантию из положений статьи 14 МПГПП. В частности, эта гарантия была обобщена в 2007 году в указанном Замечании общего порядка № 32, п. 27.

зательства государства по обеспечению справедливого суда варьируется в зависимости от положений того или иного регионального международного договора и от правовых позиций соответствующих международных органов. Объективной причиной этого, собственно, как и регионализации международного права защиты прав человека, является разность национальных правопорядков государств и их групп, а также постоянное развитие международной правоприменительной практики.

Наряду с этим, существующий минимальный набор гарантий справедливого суда можно все же считать универсальным международным юридическим обязательством государства, дальнейшее развитие которого происходит путем расширения границ ответственности государства перед отдельно взятыми лицами.

Список использованных источников

1. Бортновська З. Справи з питань оподаткування: межі застосування статті 6 Конвенції про захист прав людини та основоположних свобод // Європейський суд з прав людини. Базові матеріали. Застосування практики. – К. ; Український центр правничих студій, 2003. – 582 с.
2. Віткаускас Д. Стаття 6 Європейської конвенції з прав людини // Європейська конвенція з прав людини: основні положення, практика застосування, український контекст / За ред. О. Жуковської. – К. : Віпол, 2004. – 960 с.
3. Rozakis Ch. The Right to a fair trial in civil cases // Judicial Studies Institute Journal. – 2004. – Vol. 4. – № 2.
4. Francioni F. Access to Justice, Denial of Justice and International Investment Law // The European Journal of International Law. – 2009. – Vol. 20. – № 3.
5. Langford I. Fair Trial: The History of an Idea // Journal of Human Rights. – 2009.
6. Paulsson J. Denial of justice in international law // Cambridge University Press. – 2005.
7. Right to fair trial, Max Planck Encyclopedia of Public International Law // Oxford University press [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://www.mpepil.com/sample_article?id=/epil/entries/law-9780199231690-e798&recno=20&#law-9780199231690-e798-titleGroup-7.
8. Sattorova M. Denial of Justice Disguised? Investment Arbitration and the Protection of Investors from Judicial Misconduct // International and Comparative Law Quarterly. – 2012. – Vol. 61. – P. 223–246.
9. CCPR/C/GC/32, 23 August 2007, General Comment No. 32, Article 14 : Right to equality before courts and tribunals and to a fair trial [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://ccprcentre.org/doc/ICCPR/General%20Comments/CCPR.C.GC.32_En.pdf.
10. Oleksandr Volkov v. Ukraine, appl. no.21722/11, Judgment of 9 January 2013 [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-115871>.
11. Konig v. the Federal Republic of Germany, appl. no.6232/73, Judgement of 28 June 1978 [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-110164>.
12. Ringeisen v. Austria, appl. no.2614/65, Judgment of 16 July 1971 [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57565>.